

Ситуация в усадьбе графа Цин Юань ухудшалась с каждым днём так, что Янь Линь, как потомок знатного и почётного рода, отчётливо видел это. Происшествие с «утоплением» этой девушки из усадьбы во время Фестиваля Фонарей было известно всем, а уж слова Цзян Сюэнин, произнесённые тогда, и подавно шокировали общественность.

Старухи наказывают девушек, слуги угнетают хозяев.

Усадьба графа Цин Юань потеряла всякое уважение.

Чтобы избежать сплетен и обвинений в жестоком обращении с приёмной дочерью, открыто издеваться над ней уже не решались, но втайне, возможно, она страдала ещё больше.

В усадьбе герцога Юнъи он был единственным законнорожденным сыном и был очень любим во дворце, так что он не знал тайн и интриг женской части своего дома. Но даже не видя свинью, он знал, как она бегает, поэтому понимал, какие борьбы могут разгораться в гареме.

В конце концов, его отец тоже имел немало наложниц и приёмных детей.

Он считал, что Цзян Сюэнин слишком переживает за эту случайно встреченную девушку из усадьбы графа и посоветовал ей:

— Ты слишком добра, Нин Нин. В мире много людей, которые и глупы, и неуклюжи, и сами себе мешают. Ты спасла её, и этого достаточно. Неужели ты ожидаешь, что она кардинально изменится? Нужно понимать, что каждый оказывается в своём положении по каким-то причинам. Если бы у неё были способности, она бы не оказалась в той ситуации, в которой была раньше.

Цзян Сюэнин отвела взгляд и сказала:

— Поскольку это человек, которого я сама спасла, я не могу не переживать за неё и не надеяться на её благополучие. Но ты прав, я сделала всё, что могла, и это уже не в моих силах ничего больше изменить.

Закончив, она тихо вздохнула.

Кажется, Цзян Сюэнин пыталась этими словами облегчить какое-то не слишком радостное чувство, зародившееся в её сердце. Затем она обратилась к Янь Линю:

— Давай всё-таки зайдём и посмотрим на цини.

Юйхуан, уже само название этого места говорило о том, что здесь специализируются на цинях. Хотя оно и находилось в оживлённом центре столицы, на земле, которую можно назвать золотой, для входа приходилось подниматься по скромной лестнице на второй этаж прямо с улицы. Там, в уединении, можно было увидеть простую и изящную вывеску из бамбука.

На ней чёрными чернилами были написаны слова «Юйхуан».

Цинь — это изящный инструмент, и посетители, приходящие сюда, либо претендуют на изысканность, либо искренне любят цинь, не ища публичности. Так что такой стиль и убранство были как раз подходящими.

Янь Линь, по всей видимости, не первый раз здесь, и уверенно повёл Цзян Сюэнин внутрь.

В углу возле ароматной лампы стоял мужчина в одеянии учёного, который перемешивал

благовония палочкой. Он сжигал отличные благовония. Весь Юйхуан наполнялся лёгким благоуханием.

Учёный, услышав шаги, обернулся и, увидев Янь Линя, и улыбнулся ему. Он аккуратно положил палочку и, подойдя к бронзовому тазу, чтобы умыть руки, сказал:

— Наконец-то ты пришёл, молодой господин. Я уже думал, если ты не придёшь, придётся выставить на продажу эти цини.

Янь Линь рассмеялся:

— Неужели в таком месте, как циньский салон, нельзя обойтись без такого меркантильного духа?

Учёный не воспринял слова Янь Линя всерьёз и ответил:

— Думаешь, я открыл этот салон, чтобы заниматься благотворительностью? Играть на цини, нужно мыться, умывать руки, сжигать благовония, да и сам инструмент должен быть хорошим. А всё это стоит денег, не так ли?

Цзян Сюэнин нашла этого человека достаточно необычным и невольно уставилась на него подольше.

Учёный, худощавый и с обычной внешностью, тоже бросил взгляд на Цзян Сюэнин, осознав ситуацию:

— Так это вы хотите подобрать цинь?

Цзян Сюэнин не ответила.

Янь Линь немного раздражённо сказал:

— Хватит болтать, где цини?

Учёный едва заметно приподнял брови, ощутив особенное отношение Янь Линя к девушке. Он не отвёл взгляд, а, наоборот, начал дольше разглядывать Цзян Сюэнин, а затем повернулся и вошёл во внутренний зал. Оттуда он принёс четыре цини, одну за другой, и выставил их на длинном столе в галерее. После чего одну за другой снял с них чехлы и пригласил Янь Линя осмотреть:

— Изначально я подобрал пять циней, одна из которых была новым творением Гу Бэньюаня из Цзяннин, но мои люди опоздали. Когда они пришли, Гу Бэньюань уже подарил эту новую цинь Се Цзюаню.

Гу Бэньюань считается самым известным мастером по изготовлению циней на сегодняшний день. Обычно процесс изготовления цини очень сложен, начиная от выбора дерева до настройки струн, изготовление одной цини занимает как минимум год, а более тщательные и изысканные могут занимать два или даже три года.

Мастера по изготовлению циней — это ремесленники, которые зарабатывают на жизнь своим искусством. Выпуская один цинь за два года, они бы умерли с голода, поэтому многие мастера заранее готовят материалы и одновременно работают над десятью или двадцатью инструментами. Таким образом, хотя процесс изготовления по-прежнему занимает два года, за

это время можно выпустить много циней.

Но Гу Бэньюаню, мастеру по изготовлению циней, было уже за шестьдесят, он скоро достигнет возраста семидесяти лет. Его силы уже не те, что у молодых мастеров, и он не может одновременно делать много инструментов, поэтому за два-три года выпускает всего один-два циня.

Люди обожают гоняться за редкостью. За последние годы многие готовы были отдать целое состояние за цинь, но никто и подумать не мог, что новый инструмент, которого ещё ни разу не показывали на людях и ещё не издавший ни звука, старик вдруг подарит Се Вэю, вызвав зависть и злобу у многих.

Янь Линь, хоть и увлекался военным искусством и не особо интересовался цинями, знал о славе Гу Бэньюаня, и это его удивило:

— Подарил?

— Ага, просто так отдал, — ответил учёный, едва не выказывая недовольства, но тут же подхватил с иронией. — Недавно в столице опять произошло покушение на чиновников из сторонников короля Пиннаня, не так ли? Се Цзюань три года работал над одним цинь и в тот день выбирал у меня струны, чтобы попробовать звучание, но по дороге домой случайно попал в таверну Цзян Сяо и столкнулся с повстанцами. Сам он не пострадал, но нового цинь, на котором ещё даже струны не были натянуты, разрубили одним ударом. Ну и как вы думаете, было ли ему обидно? Мы не знаем, но говорят, что он два дня не выходил на службу. Гу Бэньюань, узнав об этом, сразу же послал свой цинь из Цзяньнина в столицу. Вот и убыток!

Янь Линь спросил:

— Так ты не переживаешь за цинь?

Учёный фыркнул:

— Я бы смог продать цинь за кругленькую сумму, но Се Цзюань лишил меня прибыли!

— Хм, — откашлялся Янь Линь, чуть не сказав «разве я выгляжу как дурачок, которого легко обмануть», но в конце концов предпочёл промолчать.

Се Вэй занимал должность наставника наследного принца, а теперь также руководил учениями во дворце, что делало его почти что настоящим императорским учителем.

Но владелец Юйхуана, этот учёный, был совсем другим человеком. Он тоже был стипендиатом, так же, как и Се Вэй, и тоже был родом из Цзинлина. Звали его Лю Сянь, а по кличке — Чжаоинь. С самого начала своего обучения Се Вэй всегда опережал его на одну ступень: если Се Вэй был первым, то Лю Сянь — вторым. Это было так на экзаменах, в академии Ханьлин и во всех других аспектах образования.